

достоинство к государству, которое его поколение, развее ваши измены к нему, да его дурости?».⁶² Здесь уже подводится итог печальной судьбе «государева брата», но, очевидно, Грозный не мог, обращаясь к Курбскому, иметь в виду только финальные этапы биографии Владимира Старицкого, — недаром Иван напоминает, что именно он, царь, освободил его с матерью «из тюрьмы», в которой «ваши же дяди и господины отца его уморили»: «Я его и мать от того свободил и держал во чти в урядстве».⁶³

Приписка под 1553 г. написана по-иному. Прежде всего разобцены Сильвестр и Алексей Адашев. Сильвестр в приписке выступает в согласии с письмами Грозного, сторонником Владимира Старицкого. Алексей Адашев, напротив, уже вечером 11 марта, т. е. когда царь, по совету окружающих, велел приводить «к целованию на царевичево княже Дмитриево имя» князя Владимира Андреевича и бояр, целует крест прямому наследнику Ивана IV.

Дальнейшая небезынтересная деталь, сообщаемая в приписке и не подчеркнутая в письмах Грозного, — это тот факт, что в среде боярства были сильные противники князя Владимира Старицкого, следившие с подозрением за действиями его и княгини Ефросинии, лелеявшей, по-видимому, мечту о воцарении сына. Вероятно, в тот же день, 11 марта, на московском дворе Старицких разыгрались многозначительные события: «А в то же время князь Володимер Андреевич и мати его събрали своих детей боярских, да учили им давати жалованье деньги; и бояре о том князю Володимеру учили говорити, что мати его и он так не гораздо делают, государь недомогает, а он людей своих жалует, и князь Володимер и мати его почали на бояр велми негодавати и кручинитесь; бояре же начаша от них беречися (т. е. приняли меры предосторожности, опасаясь их действий, — Н. А.) и князя Володимера Андреевича ко государю часто не почали пущати». Кто же эти бояре? Сама приписка дает точный ответ, рассказывая о тех, кто принес вечером 11 марта присягу на верность царевичу Дмитрию: «...и после того на завтра, как приводил государь бояр своих ближних». Это «ближняя дума», в составе, однако, не совсем полном, так как два члена ее, князь Дмитрий Иванович Курлятев и казначей Никита Афанасьевич Фуников, согласно приписке, сказались большими (о них речь будет ниже). Налицо были и крестоцелование совершившие родственник царя, князь Иван Федорович Мстиславский, сохранивший свои позиции вплоть до смерти Грозного;⁶⁴ князь Владимир Иванович Воротынский, умерший, по-видимому, 27 сентября 1553 г.;⁶⁵ Иван Васильевич Шереметев Большой, попавший в опалу в 1564 г., насильно постриженный в монахи в период между маем и июлем 1570 г.;⁶⁶ Михаил Яковлевич Морозов, казненный летом 1573 г.;⁶⁷ князь Дмитрий Федорович Палецкий;⁶⁸ Даниил Романович Юрьев, брат царицы, умерший 27 ноября 1564 г.;⁶⁹ Василий Михайлович Юрьев, племянник царицы, скончавшийся в апреле

⁶² Там же, стр. 210

⁶³ Там же. Все нижеследующие летописные цитаты, не обозначенные точной ссылкой на источник, взяты из текста приписки под 1553 г. в Царственной книге (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 522—526)

⁶⁴ О нем см. С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 118—121, А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках — Археологический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 61, прим. 240.

⁶⁵ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 63, прим. 264

⁶⁶ Там же, стр. 61, прим. 237

⁶⁷ О нем см. С. В. Бакушин. Избранная рада Ивана Грозного, стр. 336—337;

А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 62, прим. 244

⁶⁸ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 60, прим. 227.

⁶⁹ Там же, стр. 59, прим. 221.